

8. Austen J. Emma. URL : <http://promo.net/pg/>.

About the assertive speech intention components

There are given the examples of speech acts in Jane Austen's works, given its classification by speech intention's components quantity.

Key words: *assertive speech acts, persuasive intention, communicative intention, informative intention.*

М.Л. ХОХЛИНА
(Астрахань)

РОЛЬ ЭТНО-И ИНОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»

Разводятся понятия этнокультурного и инокультурного дискурсивного пространства и выявляется дискурсивный потенциал фразеологической семантики в формировании оппозиции «свое» / «чужое». Вводится понятие интеркультурного дискурсивного пространства как среды, в пределах которой проявляется связь семантики фраземы с элементами «своей» и «чужой» культуры.

Ключевые слова: *этнокультурное, инокультурное, интеркультурное дискурсивное пространство, фразеологическая семантика.*

Диалектика «своего» – «чужого» / «чужого» – «своего» определяет представление о невозможности свести друг к другу свою и чужую концептосферы, что обуславливает наличие целого ряда бинарных оппозиций, объективирующих данную архетипическую категорию: живое – мертвое, человеческое – нечеловеческое (звериное, колдовское, демоническое), принадлежащее культуре – принадлежащее природе, освоенное – неосвоенное, мужское – женское и др. На фразеологическом уровне языка оппозиция «свое – чужое» представле-

на достаточно широко. В зависимости от выбранной парадигмы описания фразеологического материала научной рефлексии подвергаются различные группы устойчивых единиц.

С учетом социологизированной сущности данной оппозиции, которая раскрывается через рассмотрение объектов познания как имеющих общественную значимость, противопоставление «свое – чужое» членится на такие оппозиции, как «член семьи – не родственник», «коллега – представитель другой профессии», «христианин – иноверец», «ровесник – старше / младше по возрасту», «друг – враг» и др. В речевой практике смысловыми репрезентантами различных субопозиций внутри семантической оппозиции «свое – чужое» могут выступать единицы типа *водой не разольешь* – как *кошка с собакой* ('друзья' – 'враги'), *молоко на губах не обсохло* – *тертый калач* ('неопытный' – 'опытный'), *на одно лицо, на один покров* – *белая ворона, не от мира сего* ('лишенный индивидуальности' – 'выделяющийся чем-либо среди окружающих') и мн. др.

В личном дискурсе вербализация оппозиции «свое – чужое» связана с многочисленной группой фразем с соответствующими компонентами *свой* и *чужой*, выступающими смысловыми центрами идиоматичных выражений. Например, в антонимических пары объединяются фраземы *своим умом (жить, работать) – чужим умом (жить, добиться), стоять на своих ногах – ноги (руки) как чужие, на свой страх (и риск) – жить чужим умом* – репрезентанты субкатегории «принадлежащий себе, имеющий отношение к себе – не свой, связанный с другими»; *(иметь) свой угол, жить своим домом – (скитаться) по чужим углам (домам), свой хлеб – (есть) чужой хлеб, на свои – за чужой счет, свой язык – чужой язык* и др. – репрезентанты субкатегории «собственный – несобственный»; *свой человек, свой в доску, свой брат (парень), своего поля ягода – чуждый по духу (по складу), чуждый душой, быть (казаться) чужим* – репрезентанты субкатегории «близкий – далекий по духу».

В аспекте теории межкультурной коммуникации значимость приобретает ре-

зультат взаимодействия между представителями различных культур, и факторы «свой» и «чужой» носят, соответственно, характер этнокультурного и инокультурного, т.е. отражающего реалии «своей» и «чужой» культуры. Обозначенные факторы задают определенную модель восприятия того или иного события / факта / человека и т.п. «своей» либо «чужой» лингвокультуры и формируют, таким образом, позитивное, негативное или нейтральное отношение индивида к различным явлениям окружающей действительности.

Во фразеологическом корпусе русского языка выделяется многочисленная группа единиц, содержащих оценку тех или иных явлений этно- и инокультуры. Прежде всего, к данным фраземам относятся выражения с компонентом *русский и английский (китайский, турецкий и мн. др.)*, формирующие образ «Свой» и «Чужой». Исследование показало, что в количественном отношении единиц косвенно-производной номинации, репрезентирующих знания русского народа о самом себе, гораздо меньше, чем инокультурных фразем. И только часть из них содержит качественную характеристику того, что свойственно русским как нации с богатой культурой, многовековым опытом или особым складом души (*умом Россию не понять, там русский дух, там Русью пахнет, энциклопедия русской жизни, русский с китайцем братья навек* – всего около 30 единиц).

Фраземы, представляющие собой результат видения и понимания носителями русского языка «иных» культур и этносов, а также результат проекции значимых для «иных» культур компонентов на формально-семантическую структуру единицы, располагаются на разных точках аксиологической оси. Например, речевая реализация фразем *немецкая аккуратность, английская вежливость* и т.п. в когнитивных структурах сознания связывается с положительными представлениями русских о других нациях. Напротив, фраземы *жадный как еврей, пьян как грек* и т.п. свидетельствуют об отрицательном отношении русских к некоторым качествам, характерным для другой нации. Таким образом, «чужое» является результатом восприятия социальных объектов в

аксиологическом контексте. Тем не менее многие фраземы с инокультурной семантикой носят нейтральный оценочный характер (*поджать ноги по-турецки, в греческом зале, афинские вечера* и др.). В этом случае, на наш взгляд, будет уместным говорить о разграничении понятий «чужой» и «другой (Иной)»: выраженный аксиологический характер является показателем «чуждости», в то время как указание на отличие от «своего» без содержания качественной оценки – показатель отнесенности к миру «Другого (Иного)».

Человек, рожденный представителем определенной лингвокультуры, воспринимает различные феномены и элементы своей культуры на бессознательном уровне как нечто само собой разумеющееся. Однако на фоне контактов с представителями другой культуры происходит осмысление собственного образа мышления, чувствования, способов взаимодействия с людьми и выполнения конкретных видов деятельности. Так, определяя тот или иной стиль поведения, манеры, особенности быта как «нерусские», мы автоматически отрицаем их в «своем» культурном пространстве и предполагаем, что для нас характерны «иные» формы и проявления. Например, еще со второй половины XIX в. в русском языке употребляется фразема *китайские церемонии* ‘шутл.-ирон. Утомительные и ненужные условности; излишние проявления вежливости; бессмысленный этикет’, которая формирует содержание образа «Чужой» (в данном случае – несвойственный русским культурным традициям, русскому этикету). Ср.: *Время и деньги: китайские церемонии в российском интерьере* (Татар-информ. 3.04. 2007 г.). Для русских, напротив, характерен быстрый переход от слов к делу, от традиционных формул вежливости к обсуждению возникших проблем. Ср. со смыслом, заключенным в русской пословице *Я тебе челом, а уж ты знаешь о чем*.

Содержание понятий «свой» и «чужой» во многом зависит от когнитивно-дискурсивного пространства, в котором актуализируется смысловая структура той или иной фраземы. Так, в политическом дискурсе категориальные сферы «свой» и «чужой» наполняются содер-

жанием, репрезентирующим социально-политическую модель общества и стереотипы восприятия социального мироустройства. Формирование рассматриваемых категориальных сфер обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения / разделения себя с другими представителями социума по социальному статусу, политической позиции или этническому фактору [2, с. 48]. Например: **Восточный стиль** в политике используется и на Западе, но доведен до совершенства на Востоке. Его главная особенность: речь всегда идет не о том, о чем идет речь (www.futurisrael.org/Authors/Vorovsky_Dem.htm). Ср.: *Вот и свершилось: Россия одержала историческую победу над Европой. Русский стиль поведения начал завоевывать «цивилизованный мир»* (Россия в глобальной политике. 19.07.2007 г.). Определяющую роль в реализации смысловых потенциалов фразем **восточный стиль** и **русский стиль** играют дискурсивные факторы, обуславливающие в представленных контекстах отнесенность данных единиц к одним из репрезентантов категорий «чужой» и «свой».

В русском языке с обращением к инокультурной действительности связано употребление различных устойчивых единиц, которые зачастую функционируют наряду с этнокультурными фраземами, являясь конкурирующими формами выражения одного и того же значения. Сравните: *гол как турецкий святой* и *гол как сокол* ('совершенно ничего не имеет, очень беден'), *на русский байрам*, *на турецкую пашу* и *когда рак на горе свистнет* ('неизвестно когда, никогда'), *насвистался как немец* и *пьян как сапожник* ('сильно пьян'), *китайская грамота* и *тарабарская грамота* ('о чем-л. Недоступном пониманию, совершенно непонятном'), *всякий цыган свою кобылку хвалит* и *всякий кулик свое болото хвалит* ('похвальба чем-л., принадлежащем себе') и др.

Развивая мысль Л.Г. Золотых о дискурсивном пространстве русской фраземики как речемыслительном ареале существования знаков косвенно-производной номинации [1, с. 61], мы разграничиваем понятия этнокультурного и инокультурного дискурсивных пространств, основываясь при этом на представлении о культурном

пространстве, которое включает в себя все феномены культуры, значимые для членов того или иного этнокультурного сообщества. Таким образом, фразеологическая семантика порождается в одном из дискурсивных пространств:

Этнокультурное дискурсивное пространство (пространство «своего»)	Инокультурное дискурсивное пространство (пространство «чужого»)
Русская литература: <i>подковать блоху, человек в футляре</i> и др.	Зарубежная литература: <i>бремя белого человека, синая птица</i> и др.
Русский кинематограф: <i>Москва слезам не верит, берегись автомобиля</i> и др.	Зарубежный кинематограф: <i>богатые тоже плачут, в джазе только девушки</i> и др.
Русский фольклор: <i>при царе Горохе, молочные реки и кисельные берега</i> и др.	Фольклор других народов: <i>быть большим католиком, чем Папа римский, начать с яйца</i> и др.
Речь отечественных деятелей: <i>истинно русские начала, кадры решают все</i> и др.	Речь иностранных деятелей: <i>а все-таки она вертится, башня из слоновой кости</i> и др.
Русские антропонимы: <i>драть как сидорову козу, куда Макар телят не гонял</i> и др.	Иностранные антропонимы: <i>буриданов осел, колумбово яйцо</i> и др.
Русская топонимика: <i>загнать за Можай, коломенская верста</i> и др.	Зарубежная топонимика: <i>дама из Амстердама, идти в Каносу</i> и др.

Отметим, что дискурсивные пространства Библии, мифологии и религии рассматриваются нами как интернациональные (универсальные), продуцирующие фраземы, совпадающие в большей степени у близких и/или родственных языков и культур. Присутствие инокультурного компонента в системе национального языка и, шире, – национальной культуры не влечет за собой качественных изменений культурного ядра, а лишь свидетельствует о непрерывном процессе межкультурной коммуникации, вхождении данной культуры в единое мировое культурное пространство. Среди единиц фразеологического уровня языка выделяются фраземы, среду появления которых нельзя однозначно определить как этноили инокультурную. Пространственно-временное когнитивное поле, в пределах которого проявляется связь семантики фраземы с элементами «своей» и

«чужой» культур, т.е. происходит кодирование этно- и инокультурной информации в одном языковом знаке, назовем интер-культурным дискурсивным пространством. Так, на примере фраземы *в Европу прорубить окно* ‘установить деловые и культурные связи с европейскими странами’ отчетливо прослеживается связь национально-го и инокультурного. Цитата из «Медного всадника» А.С. Пушкина, ставшая широко употребительной в русском национальном дискурсе, этимологически носит заимствованный характер, поскольку в примечаниях к своей поэме Пушкин указал, что выражение «окно в Европу» восходит к «Письмам о России» итальянского писателя Альгаротти (1712 – 1764): «Петербург – окно, через которое Россия постоянно смотрит в Европу». Однако на процесс активного функционирования в русском языке данной фраземы оказал влияние не только хрестоматийный пушкинский текст, но и имеющий место в национальной картине мира общеизвестный исторический факт проведенных Петром Первым реформ, способствовавших европеизации России.

По данным нашего исследования, группу фразем интеркультурного характера составляют в основном единицы, которые восходят а) к литературным текстам, б) фильмам и в) историческим событиям. Ср.: единица *ты не в Чикаго, моя дорогая* ‘невыполнимость чьего-л. желания или просьбы в данных условиях’ содержит инокультурный топонимический компонент *Чикаго*, но является, однако, цитатой из стихотворения С. Маршака «Мистер Твистер». Выражение *в Багдаде все спокойно*, которое сейчас употребляется как шутивное заверение в том, что на вверенной территории никаких происшествий не произошло, восходит к кинофильму «Волшебная лампа Алладина» (1996), где эти слова неоднократно говорили стражники, обходящие ночной город и где эта же фраза была рефреном веселой песенки. Тем не менее в основу сценария фильма положен сюжет арабской сказки. Фразема *погиб (пропал) как швед (под Полтавой)* (‘попасть в безвыходное

положение, оказаться беспомощным»; ‘нравственно морально опуститься, деградировать’) отражает память о важном для России событии – Полтавском сражении, которое произошло во время Северной войны со Швецией. В приведенных примерах формальная структура фразем содержит инокультурный компонент, а на когнитивном уровне происходит взаимодействие инокультурного и этнокультурного содержания.

Таким образом, особая роль в формировании фразеологической семантики дискурсивного пространства «своего» и «чужого» отводится этнокультурным и инокультурным факторам, которые в процессе лингвокогнитивного взаимодействия формируют поле интеркультурного, наполняемое фраземами различных структурно-семантических групп.

Литература

1. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики : монография. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007.
2. Кишина Е.В. Смысловая модель категории «свое – чужое» на уровне политического дискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2009. № 1(5). С. 47 – 50.
3. Фелицына В.П., Мокшенко В.М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / под ред. В.М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М. : Рус. яз., 1990.
4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М. : Изд-во «Локид-Пресс», 2005.

Ethnic and inocultural factors role in phraseological semantics formation of discourse fields “one’s own” and “strange”

There is shown the difference between ethnic cultural and inocultural discourse fields and revealed the discourse potential of phraseological semantics in opposition formation “one’s own” / “strange”. There is regarded the definition of intercultural discourse field as the field where connection between phrase semantics and “own” and “strange” culture elements are shown.

Key words: *ethnic cultural, inocultural, intercultural discourse field, phraseological semantics.*